

Важно и то, что герои «петровских повестей» достигают высокого положения в обществе благодаря «остроте разума». Французский шляхтич Александр добивается успеха в жизни, с одной стороны, «угождением» тем людям, у которых он живет (французскому фельдмаршалу, потом турецкому паше), с другой — своими победами в рыцарских поединках.

В описании этих поединков чрезвычайно своеобразно объединяются черты средневекового рыцарского романа с русским народным эпосом. Перед поединком Александр обращается: «Господа мои, добрые ковалеры!» (ср. с повестью о матросе Василии: «Господа мои, добрые молодцы»), но в то же время он «отдал комплемент шпагою».

В рассказах о поединках Александра проступают черты богатырского эпоса. Будучи «силою великого обогащен», Александр начинает бой поединком с врагом. «Аглицкого ковалера», посрамившего Францию, Александра «в самое ево сердце шпагою навывает, по самой ефес прошип». Турецкого визиря он «толь жестоко ... пошиб, яко копие свое на многия части сокрушив». Турецкого пашу он «толь жестоко удари, яко паша и с конем паде на землю». После того как он побеждает в личной схватке, он врывается во вражеское войско и сражается уже со «множеством». Даже своих врагов Александр заставляет восхищаться его силой и храбростью: так же как Батый, «зря на тело Еупатиево ... рече: «Аще бы у меня такой служил, — держал бых его против сердца своего»,³² салтан турецкий, «повеле привести к себе» Александра и «возлюби его от всея души своея».³³

Но Александр не только смел, он и благороден. «Аглинского» купца, с которым он сражается за честь своей родины — Франции, он честно предупреждает: «Господин купец! Побереги своего здравия!». И только тогда, когда купец «разъярися» и вызвал его «на смертный бой», Александр «жестоко на него поступи». Такая характеристика образа героя позволяет сделать предположение, что автор заимствовал краски для описания военных сцен и действий героя как из общеэпического запаса изобразительных средств, так и из литературной традиции воинских повестей.

Возможно также, что и в основе эпизода повести, где описано «скрадывание» спящего Александра в турецкий лагерь его слугой, лежат эпические мотивы, нашедшие отражение в русской песенной лирике: спящий молодец, просыпаясь, оказывается без коня, оружия и одежды; напоенная вином и заснувшая девица оказывается, просыпаясь, далеко от родного дома.³⁴

Неясно происхождение такой детали повести: герой, скрывающийся от преследующих его врагов, опускается в болото и дышит через «дягиль». Дягиль — это народное название стебля травы зонтичных растений,³⁵ употребляющееся чаще всего на севере России (Вологодская область) и в Сибири. Важно указать, что этот эпизод почти без изменения сохранен в обоих видах второй, распространенной редакции «Истории о французском шляхтиче Александре». Можно полагать, что автор повести использовал бытовой материал. Известно, что казаки в плавнях прятались от врагов, дыша через камыш.³⁶

³² Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 293—295.

³³ ГИМ, собр. А. И. Бярятинского, № 162, л. 11 об.

³⁴ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 244, 245, 246.

³⁵ Н. И. Анненков. Ботанический словарь. М., 1858, стр. 372.

³⁶ За это указание приношу глубокую благодарность В. П. Адриановой-Перетц.